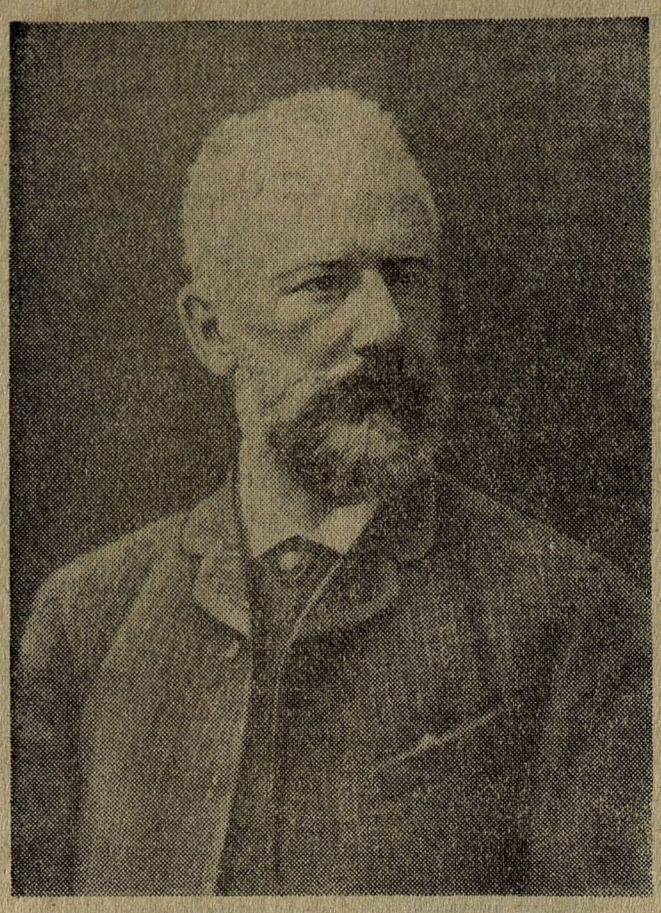
Советская культура
г. Москва
11 АВГ 1962

5

Еще пятнадцать писем П. И. Чайковского



Для музыкантов-профессионалов и просто любителей музыки значение каждого вновь обнаруженного документа, связанного с именем великого Чайковского, огромно: такая находка открывает еще одну страницу в биографии нашего гениального соотечественника, помогает еще глубже, еще разностороннее изучать его творчество.

...В одном из предместий Манчестера в запущенной и грязной квартире ветхого дома жил одинокий старик. Кто он? На какие средства живет? — эти вопросы никого из жителей Баудона (так называется место, где стоял старый дом) не интересовали: в Англии много таких людей, они живут и умирают в неизвестности. Поэтому все давно забыли, что полунищий человек этот — Леон Пикард, племянник известного музыканта Адольфа Бродского, а в доме, где сейчас полное запустение и пыль, в прошлом бывали многие известные исполнители и композиторы: ведь Бродский руководил в Манчестере симфоническим оркестром, а затем еще и Королевским колледжем музыки.

Не так давно старый отшельник умер, не оставив завещания. И тут-то и оказалось, что в доме, где на первый взгляд ничего ценного нет, хранятся письма Петра Ильича Чайковского. Пятнадцать писем, считавшихся погибшими навсегда! Их нашел директор Королевского колледжа музыки Фред. Р. Кокс.

Об этой ценной находке и рассказывают материалы, публикуемые на этой полосе, — статья английского журналиста Пэта Слоуна и комментарий к письмам научного сотрудника Дома-музея П. И. Чайковского в Клину К. Давыдовой.

АДРЕСАТ—АДОЛЬФ БРОДСКИЙ

По одному из странных совпадений в этом году произошли два события, связанные с именем Чайковского, и оба эти события укрепили культурные связи между Англией и Советским Союзом.

Первое: английский пианист Джон Огдон, выпускник Королевского колледжа музыки в Манчестере, удостоен золотой медали на Втором международном конкурсе имени П. И. Чайковского.

О втором событии известно намного меньше. Почти в одно время с конкурсом, проходившим в Москве, в Англии один из профессоров, обучавших Огдона в Королевском колледже музыки, композитор Томас Питфилд выступил по английскому телевидению и сообщил, что в Баудоне, пригороде Манчестера, обнаружено пятнадцать писем, написанных П. И. Чайковским, о существовании которых в Англии никто не подозревал и которые в России считали пропавшими.

Кто такой Бродский и каким образом пятнадцать писем Чайковского к нему оказались в деревушке Баудон, в графстве Чешир?

Редакция газеты «Советская культура» попросила меня рассказать ее читателям об этом. И вот я выехал в Манчестер, где встретился с супругами Томасом и Алисой Питфилд, которые оказали мне большую помощь в выяснении всех обстоятельств, связанных с письмами Чайковского.

Итак, начнем с самого начала.

Адольф Бродский родился в начале второй половины прошлого столетия в Таганроге в семье управляющего мельницей. В раннем детстве у ребенка проявились музыкальные способности, и отцу в конце концов удалось послать его в Вену учиться. Завершив свое музыкальное образование в Вене, Бродский выступил в России с несколькими концертами. Его игра имела успех, и двадцатичетырехлетний скрипач был назначен адъюнкт-профессором в Московскую консерваторию. Здесь он и познакомился с П. И. Чайковским, хотя их дружба родилась позже.

Через несколько лет Бродский оставил работу в Консерватории и занялся концертно-исполнительской деятельностью. Женившись, он уехал в Париж, где познакомился с Тургеневым и выступил с концертом Чайковского перед дирижерами парижских симфонических оркестров. Но финансовые затруднения не дали ему возможности выступить с публичными концертами.

В 1881 году Бродский и его жена Анна Львовна приехали в Вену. Тут ему пришлось выдержать отчаянную борьбу за исполнение ныне знаменитого Скрипичного концерта Чайковского. Сочинение было первоначально посвящено известному скрипачу-виртуозу Леопольду Ауэру, но последний отказался выступать с ним, заявив, что произведение невозможно играть. Бродский, тогда еще молодой и неизвестный, взялся по своей инициативе исполнять концерт. Это был очень смелый шаг, поскольку оппозиция к славянской музыке и, в частности, к Чайковскому, в Вене в то время ощущалась довольно сильно. В конце концов Бродский предъявил ультиматум: или Чайковский, или он вообще не будет выступать. И победил: концерт имел огромный успех и вызвал восторженные овации публики, несмотря на то, что музыкальные критики, отдавая должное мастерству скрипача, яростно нападали на само произведение. Чайковский впервые узнал об исполнении его концерта по дороге в Италию. Он написал Бродскому теплое письмо, в котором благодарил за «безграничность гражданского мужества».

С этого момента и началась переписка между Чайковским и Бродским. Содержание писем было самым разнообразным— от описания мельчайших подробностей в организации концертов и кончая простыми и искренними выражениями уважения и симпатии.

В 1883 году Бродский выступал с концертами в Лондоне. Затем вернулся в Россию, где демонстрировал свое искусство в Москве и Петербурге. Затем во время выступлений в Германии ему предложили должность первого профессора в Лейпцигской консерватории. В Лейпциге квартира Бродских стала центром музыкальной культуры: к ним часто приезжал Чайковский. И именно у них впервые встретился с Брамсом и Григом. В 1891 году Бродские решили переехать в США, где прожили недолго, хотя выступления скрипача со своим струнным квартетом имели успех. И вскоре мы видим Адольфа Давидовича в Манчестере на посту руководителя симфонического оркестра Шарля Алле, одного из лучших в Англии. Спустя некоторое время он был назначен директором Королевского колледжа музыки в Манчестере и работал там вплоть до самой смерти, то есть до 1929 года.

У его жены Анны Львовны была сестра Ольга. Она и ее сын Леон Пикард долго жили с Бродскими. Леон Пикард не так давно умер, а после его смерти в доме совершенно случайно были обнаружены письма, полученные Адольфом Бродским от многих известных деятелей мировой культуры. Их нашел и просмотрел нынешний директор Королевского колледжа музыки в Манчестере Фред. Р. Кокс.

Получив разрешение на приобретение материалов Бродского, он пригласил господина и госпожу Питфилд, учеников Бродского, принять участие в разборе документов. Алисе Питфилд были вручены для исследования все письма и документы Бродского на русском языке, а также значительное количество материалов на немецком языке, которые еще не разобраны. Среди найденных документов на русском языке особый интерес представили пятнадцать писем Чайковского, три письма Тургенева, а также портрет Льва Толстого с личным автографом великого писателя.

В Англии этой счастливой находке уделяется огромное внимание. И в этом смысле показательно еще одно событие: в конце мая в Королевском колледже музыки в Манчестере профессор Мэнсфилд Купер, председатель совета колледжа, вручил пианисту Джону Огдону, одному из двух музыкантов, получивших первую премию на Международном конкурсе имени Чайковского в Москве, драгоценную реликвию — письмо, написанное Чайковским в 1882 году Адольфу Бродскому.

Пэт СЛОУН,
английский публицист.

ЛОНДОН.

А. Д. БРОДСКОМУ

Каменка 4 мая (1882).

Весьма и весьма обрадовало меня письмо Ваше, полученное сегодня. Радуюсь несказанно Вашему и моему успеху и разразился бы опять в благодарностях, если Вы в предыдущем письме Вашем не просили меня от них воздержаться. Потрудитесь, пожалуйста передать от меня мою благодарность Рихтеру за двухкратное и столь успешное дирижирование концертом. Как мне нравится, что Вы в Лондоне завоевали себе достойное Вашего таланта положение.

Желательно, чтобы успехи Ваши шли все crescenda и чтобы когда нибудь Вы возвратились в Россию с громким авторитетным именем и украсили бы им и собою нашу бедную и все-таки милую Московскую консерваторию. Быть может и я когда-нибудь утомленный кочевой жизнью, возвращусь на старое пепелище и вместе с Вами будем работать для поддержки дела, основанного Ник. Григ[5].

Про себя скажу Вам, что не могу достаточно выразить Вам все удовольствие, испытываемое мною здесь, в деревне, после месяца проведенного в Москве, где я испытал много ненавистной для меня суеты и много мучительно-тоскливых чувств, причиняемых сознанием невозвратности прошлого. Вы гораздо моложе меня и еще возможно мало знакомы с этим болезненным чувством. Чем старше становишься, тем живее, сильнее и чаще врывается оно в жизнь и отравляет ее. Здесь да еще в моем Римском уединении мое нравственное благосостояние сильнее чем где-либо. Собираюсь писать оперу; надеюсь, что дело пойдет хорошо; по крайней мере расположение к писанию есть и если ничто не помешает, должно быть хорошо буду работать.

До свидания, голубчик. Дай Вам Бог всякого рода удачи в делах Ваших. Как решен вопрос о Вашей поездке в Москву летом? Будете ли Вы там играть?

Искренне Вас любящий и уважающий П. Чайковский.

Л. А. КУПЕРНИКУ[1]

Рим 1/13 декабря (1881 г.)

Я узнал только вчера из письма П. И. Юргенсона[2], что наш добрый, милый Бродский играл в Вене концерт мой. Вы не можете себе представить какое удовольствие доставило мне это известие и как я тронут героическим поступком Бродского. Дело в том, что мой концерт, написанный еще 4 года тому назад, признан разными русскими скрипичными авторитетами совершенно неудобоисполнимым и если не ошибаюсь его никто никогда еще не играл. Между тем я знал что отзывы помянутых авторитетов очень преувеличены и все ждал, чтобы явился какой-нибудь скрипач-герой, который доказал бы что невозможное оказалось возможным. Весьма радуюсь что этот кто-то оказался Бродским, к которому всегда питал искреннюю симпатию и которому мне приятно быть обязанным. Очень знаю, что ему, еще не прочно установившему свое положение в Вене было затруднительно и страшно являться перед Венской публикой с концертом неизвестного автора, еще вдобавок русского. Оттого-то я вдвойне ценю услугу им мне оказанную и испытываю неодолимую потребность поблагодарить его. Но адрес его мне неизвестен и вот я придумал написать Вам и просить Вас передать ему от меня самую искреннюю и горячую благодарность. Надеюсь, что Вы здоровы и счастливы; примите мои теплые пожелания Вам всяких благ

Ваш П. Чайковский.

А. Д. БРОДСКОМУ

Москва 15 апреля (1882 г).

Получил вчера вечером письмо Ваше и прочел его с невыразимым удовольствием. Уж и не знаю как и благодарить Вас за отеческие попечения о моем концерте! Дай Бог только, чтобы этот несчастный концерт, имеющий свойство внушать к себе неодолимое предубеждение, не помешал Вашим успехам. Я не хочу лгать и скажу Вам откровенно, что моему авторскому интересу весьма желательно, чтобы такой чудесный скрипач как Вы, проводил его в публику, — но ей-Богу, мне было бы крайне горестно узнать, что из-за него Вы терпите неудачи и газетную брань. Спасибо Вам, голубчик, за Ваше дружеское расположение к моей музыке и ко мне. Поверьте, что я очень, очень ценю это и хотя никогда не вращался среди общества заграничных музыкантов, — отлично понимаю сколько препятствий, затруднений и борьбы с закоренелыми предубеждениями Вы переносите из-за меня.

Я приехал в Москву на несколько дней, — но сижу здесь уже три недели и бог знает, когда освобожусь. Меня задерживают здесь разные корректуры, которых набралось так много, что не предвижу, когда с ними разделаюсь. Я редактирую полное собрание сочинений Бортнянского[4], которое предпринял Юргенсон. Так как щедрый П. И. превосходно оплачивает мой редакторский труд, — то жаловаться не следовало бы, но сочинения Бортнянского так бедны содержанием, их так много и так они однообразны, — что по временам я прихожу в глубокое отчаянье! Кроме того вообще Москва (которую я люблю, но какой-то болезненной любовью) производит на меня тягостное впечатление. Столько людей из числа тех с которыми я жил в дружеских отношениях, — исчезли; а те которые остались, так состарились! Грустно! Хочется поскорее в деревню. Говорят, что Вас приглашают играть здесь во время выставки; быть может я приеду послушать Вас. Выставка обещает быть интересной и нужно будет приехать взглянуть на нее.

Буду ждать от Вас письмо в Каменку. От всей души желаю Вам всякого успеха, милый друг мой и еще, и еще и еще благодарю Вас за Вашу дружбу. Супруге Вашей передайте мои приветствия.

Ваш П. Чайковский.

А. Д. БРОДСКОМУ

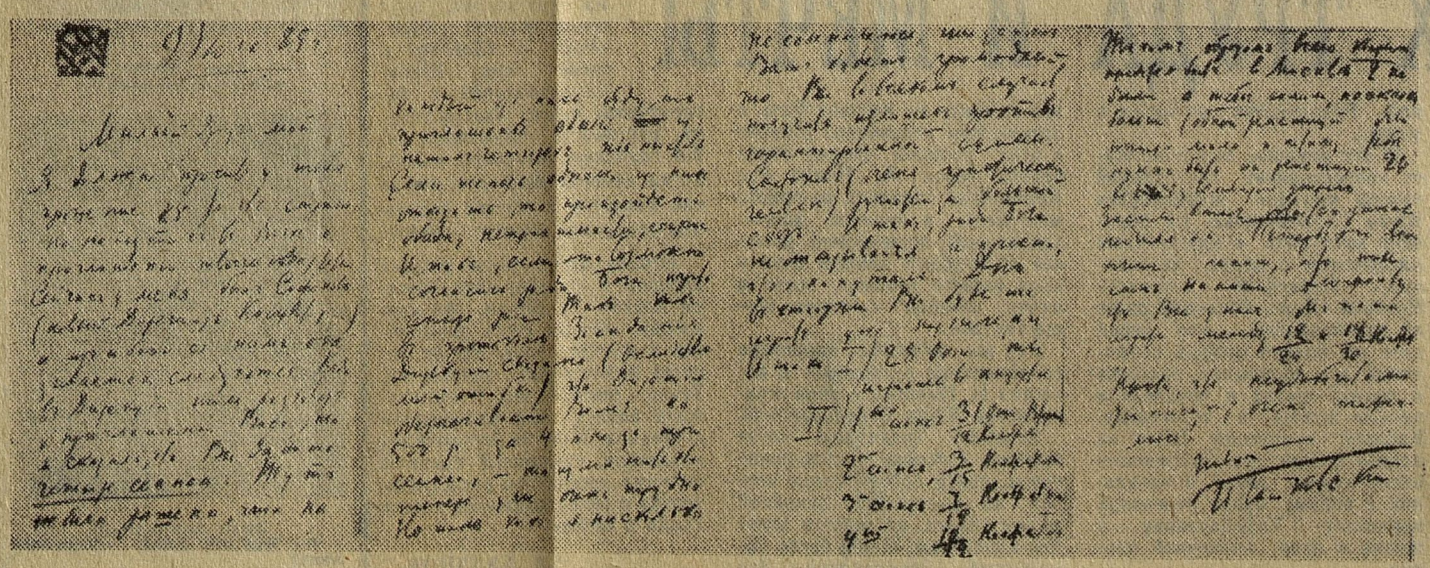
Рим 1/13 января 1882 г.

Тысячу раз благодарю Вас за милейшее письмо Ваше. Очень радуюсь, что могу написать непосредственно Вам, а то, за незнанием Вашего адреса, мне пришлось благодарить Вас через Куперника и Юргенсона.

Последнему я написал тотчас же после прочтения случайно попавшегося мне № Neue Freie Presse, где Ганслик весьма остроумно называет мою музыку «вонючей». Только прочтя этот отзыв наиболее авторитетного Венского критика я оценил всю безграничность гражданского мужества, которое Вы выказали, появившись перед Венской публикой с моим концертом. Меня это удивляет и трогает в высшей степени. Когда нибудь при свидании я Вам подробно расскажу как по поводу этого несчастного концерта выказали себя с довольно неблаговидной стороны некоторые, так называемые, друзья мои... Я очень философски привык относиться к неуспеху или совершенному игнорированию моих произведений, но сильно страдаю душой, когда люди, которых я в воображении своем снабдил всевозможными добродетелями, оказываются совсем не теми, что я думал. В настоящем случае было чем огорчиться. Но за то Ваша симпатия к моему концерту, неоценимая заслуга которую Вы мне оказали, поборов все препятствия и исполнив его, — сторицей вознаграждают меня за несколько грустных минут разочарования...

Я сейчас напишу Колонну[3] с которым знаком только по письмам и буду просить его оказать Вам всевозможное внимание, но простите голубчик, умолчу о том, что Вы именно мой концерт будете играть. Не знаю удастся ли попасть в Карлсруэ, — но надеюсь, что Вы поверите мне, если я скажу Вам, что страстно бы желал этого. Попрошу Вас в свое время известить меня точным образом о дне, в который Вы будете играть. Быть может, удастся приехать. Крепко, крепко жму Вашу руку, милый друг; примите самое искреннее и теплое спасибо за Вашу симпатию к моим сочинениям. Я очень, очень ценю ее!!!

Искренне любящий и уважающий Вас П. Чайковский.



ВАЖНАЯ НАХОДКА

В своем обширном эпистолярном наследии Петр Ильич Чайковский предстает перед нами как творец, как талантливый дирижер, как общественный деятель и маститый художник, готовый всегда помочь молодому музыканту, как автор, ищущий понимания и поддержки исполнителей и просто как добрый, отзывчивый человек.

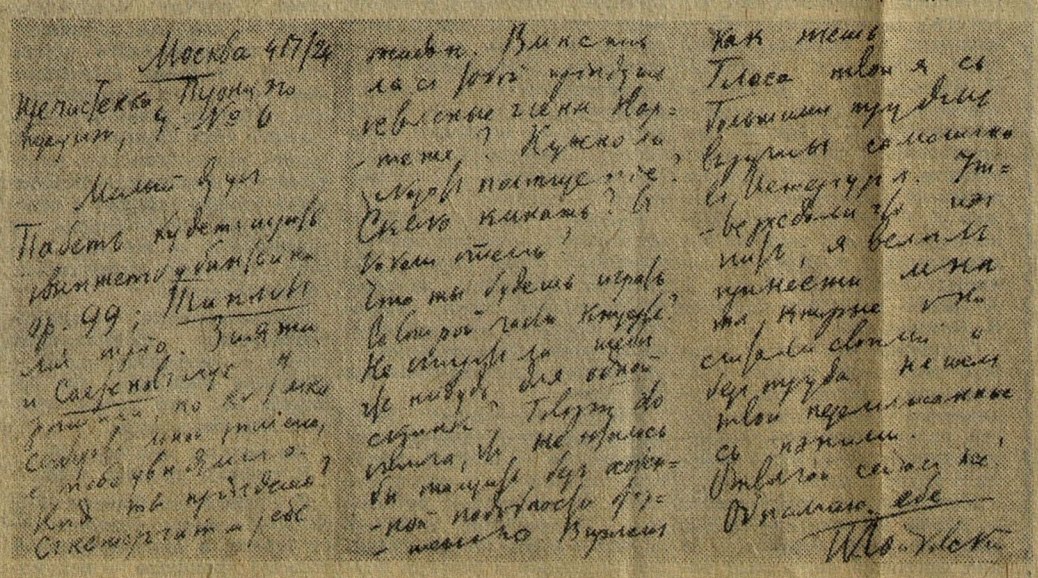
Чайковский был исключительно постоянен в своих отношениях к людям, что особенно проявилось во взаимоотношениях с исполнителями его произведений. Мы храним письма Петра Ильича к пианистам А. И. Зилоти, Г. фон-Бюлову, к певцам Э. К. Павловской и Б. Б. Корсову, к дирижерам Э. Ф. Направнику, Э. Колонну... О письмах к А. Д. Бродскому было известно давно. Рукописные копии с них брату композитора М. И. Чайковскому Адольф Давидович прислал сам во время его работы над биографией Петра Ильича. Модест Ильич кое-что использовал из них, но сами письма остались неопубликованными и считались пропавшими.

Письма Чайковского, хранящиеся в Манчестере, дополняются еще одним, полученным Давидом Ойстрахом в Лондоне, и теми двадцатью письмами А. Д. Бродского, которые хранятся в Доме-музее Чайковского в Клину.

Эта живая дружеская и деловая переписка началась в связи с исполнением Бродским скрипичного концерта Чайковского. Несмотря на то, что имя автора было уже известно за границей, его произведения крупных форм с большим трудом пробивали себе путь на концертные эстрады. Отрицательное отношение ко всему русскому, «варварскому» сказывалось и в музыке. Вот почему так высоко оценил Чайковский ту услугу, которую оказал ему, да и вообще русской музыке, Бродский. Позже, в 1887—1888 годах, свое турне по Европе, начатое в Германии, композитор охарактеризовал так: «В моем лице путешествует русская музыка». Действительно, произведения Чайковского как бы «пробили окно в Европу» для русской музыки и одним из первых — его скрипичный концерт.

Работа А. Бродского в Лейпциге, Нью-Йорке, а затем многолетняя деятельность в Манчестере открывали исполнителю широкое поле деятельности, помогли завязывать отношения с музыкальными деятелями многих стран. Несомненно, это отражено в его архиве, архиве русского музыканта, ставшего воспитателем нескольких поколений английских музыкантов, и можно с уверенностью сказать, что это собрание документов является ценным источником для изучающих историю музыкального искусства.

К. ДАВЫДОВА,
научный сотрудник Дома-музея П. И. Чайковского в Клину.



Примечания к письмам:

1. **КУПЕРНИК Л. А.** — друг П. И. Чайковского и А. Д. Бродского.
2. **ЮРГЕНСОН П. И.** — русский нотоиздатель и музыкальный деятель. На базе созданного им в Москве музыкального издательства родился в 1918 году Музгиз.
3. **КОЛОНН Э.** — известный французский дирижер.
4. **БОРТНЯНСКИЙ Д. С.** — русский композитор, один из выдающихся мастеров хоровой музыки.
5. **РУБИНШТЕЙН Н. Г.** — замечательный пианист, композитор, педагог, основатель Московской консерватории.